

Рефлексия собственного песенного творчества в лирике Александра Башлачёва

Зинаида Г. Станкович

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, iky-opna@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена саморефлексии творчества рок-поэта Александра Башлачёва с точки зрения оценки автором текстов собственных песен. Цель статьи – выявить, как именно Башлачёв воспринимал собственные песни, и менялось ли это восприятие от произведения к произведению. В статье поднимается ряд проблем, таких, как отношение Башлачёва к традиционной для русской литературы теме памятника; специфика восприятия автором себя именно как рок-поэта, проблема взаимопонимания с окружающими людьми. В результате проведенного исследования выявлено, что Башлачёв всегда понимал себя именно как поющего человека, а потому на протяжении всей недолгой творческой деятельности придавал собственным песням большое значение, ощущая их необходимость для времени, в котором он жил. В его песенной лирике присутствуют произведения, посвященные целостным текстам песен (песни о песнях), а также такие, в которых проблема саморефлексии взаимодействует с другими жизненными вопросами. Башлачёв признает трудность и болезненность процесса создания песен, при этом не воспринимает свои произведения как эталонные и заслуживающие вечности. Для него важнее их правдивость и нужность здесь и сейчас. Используя в текстах песен диалоговую форму, автор приходит к выводу об ответственности поющего поэта за то, как его творчество воспринимается разными слушателями, публикой, народом. В песнях не раз возникает мотив предвидения раннего ухода лирического субъекта из жизни, но этот момент не драматизируется рок-поэтом, отмечаящим, что гораздо важнее выполнить свою миссию на земле, чем прожить долго.

Ключевые слова: саморефлексия, Александр Башлачёв, рок-поэт, тема памятника, песенная лирика

Для цитирования: Станкович З.Г. Рефлексия собственного песенного творчества в лирике Александра Башлачёва // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 11. Часть 1. С. 108–121. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-108-121

© Станкевич З.Г., 2025

Reflection of his own songwriting in the lyrics of Alexander Bashlachev

Zinaida G. Stankovich

*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia,
uky-onna@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the self-reflection of the work by rock poet Alexander Bashlachev from the point of view of the author's assessment of his own songs' lyrics. The objective of the article is to reveal how exactly Bashlachev perceived his own songs, and whether that perception changed from work to work. The article raises a number of issues, such as Bashlachev's attitude to the traditional theme of the monument in Russian literature, the specifics of the author's perception of himself as a rock poet, and the issue of mutual understanding with others. The study revealed that Bashlachev always understood himself as a singing person, and therefore, throughout his short creative career, he attached a great value to his own songs, feeling their necessity for the time in which he lived. His song lyrics contain works dedicated to holistic lyrics (songs about songs), as well as those in which the issue of self-reflection interacts with other life matters. Bashlachev recognizes the difficulty and painfulness of the songwriting process, while not perceiving his works as reference and deserving of eternity. For him, their truthfulness and usefulness are more important here and now. Using the dialog form in the song lyrics, the author comes to a conclusion about the responsibility of the singing poet for how his work is perceived by different listeners, the public, and the people. In the songs, the theme of anticipating the early departure of the lyrical subject from life recurs more than once, but it is not dramatized by the rock poet, highlighting the overriding importance of fulfilling his mission on the Earth, when compared to longer living.

Keywords: self-reflection, Alexander Bashlachev, rock poet, theme of monument, song lyrics

For citation: Stankovich, Z.G. (2025), "Reflection of his own songwriting in the lyrics of Alexander Bashlachev", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 11, part 1, pp. 108–121, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-108-121

Понятие саморефлексии разрабатывается в русскоязычном литературоведении достаточно давно. К нему обращались в своих работах такие исследователи, как Д.М. Сегал [Сегал 2006], О.Ю. Анцыферова [Анцыферова 2002], М.А. Хатямова [Хатямова 2008], О.Н. Турышева [Турышева 2010] и др., но в их поле зрения

попадали преимущественно прозаические произведения. Однако Я.О. Глембоцкая в своем диссертационном исследовании «Творческая рефлексия в контексте художественной циклизации на материале русской поэзии XX века» приравнивала друг к другу понятия творческой рефлексии и саморефлексии в литературе и высказала мнение о том, что «для лирики понятие творческой рефлексии является не менее продуктивным, ведь собственно процесс написания стихотворения зачастую оказывается в кругозоре самого лирического субъекта, который так близок к автору творцу *в тайном знании* поэтического ремесла, что это создает определенные трудности в разграничении категорий автора и героя в лирическом произведении» [Глембоцкая 1999, с. 8].

Особые варианты саморефлексии творца наблюдаются в лирике песенной, где важную роль могут играть средства, недоступные традиционной поэзии: циклизация посредством объединения произведений на концертах и в рамках альбомов, автометапаратексты¹, а также специфическая оценка лирическим субъектом себя именно как поющего человека. В этом аспекте большой интерес для исследователей представляет фигура Александра Башлачёва.

Творчество этого автора уже достаточно давно получило очень высокую оценку со стороны слушателей и читателей. Его нередко ставят выше всех других авторов русского рока. С. Курий в статье, приуроченной к 48-летию Башлачёва, прямо заявляет: «Александр Башлачёв был Поэтом. Чуть ли не первым настоящим большим Поэтом в рок-музыке» [Курий 2008]. С ним полностью согласен А. Пашков: «В русском роке Башлачёв выглядит посторонним: слишком академичным поэтом, возможно, даже слишком (для русского рока) талантливым художником...» [Пашков 2010, с. 126]. Тем не менее сам себя Башлачёв четко относил именно к **рок**-поэтам, что можно заметить, например, в тексте одной из самых известных его песен – «Время колокольчиков»: «И пусть разбит батюшка Царь-колокол, // Мы пришли с черными гитарами. // Ведь биг-бит, блюз и рок-н-ролл // Околдовали нас первыми ударами»² (с. 54). Однако С.С. Шаулов, комментируя песню Башлачёва «Как ветра

¹ Согласно Ю.В. Доманскому, «автометапаратекст – это относительно спонтанный, в высокой степени вариативный, но в то же время и зачастую отличающийся несколько парадоксальной стабильностью текст, произносимый автором-исполнителем между песнями во время концерта, а порою и на студийной записи» [Доманский 2013, с. 15].

² *Наумов Л.* Александр Башлачёв: человек поющий. СПб.: Амфора, 2010. 440 с. Здесь и далее все ссылки на тексты и интервью А. Башлачёва приводятся по этому изданию в круглых скобках.

осенние», высказал следующее мнение: «песня самим автором относится к року, в действительности не имея к нему – как к музыкальной форме – почти никакого отношения» [Шаулов 2011, с. 77].

Даже если не сопоставлять творчество Башлачёва конкретно с музыкальной рок-традицией, нужно иметь в виду, что этот автор не представлял свое творчество вне песенной лирики, в одном из интервью говоря о себе так: «Есть человек поющий, рисующий, есть человек летающий, есть плавающий. Вот я – поющий, с гитарой. ...Конечно, я пою для себя, это помогает мне жить, делает меня, я расту» (с. 419). Неудивительно, что в текстах Башлачёва разных лет часто встречаются упоминания о песнях, которые создают лирические субъекты или к которым они имеют непосредственное отношение.

Несмотря на внимательное отношение Башлачёва к творчеству, у него достаточно мало текстов, которые были бы полностью посвящены песням. Исключения составляют, пожалуй, «Случай в Сибири» и «Песенка на лесенке», написанные в начале 1986 г. Во всех других случаях мы встречаемся с некими вкраплениями, короткими отрывочными мыслями, вплетенными в общую ткань произведений, посвященных несколько иным вопросам.

Одной из отличительных черт отношения лирических субъектов Башлачёва к собственным песням является отсутствие их идеализации. Так в песне «Влажный блеск наших глаз» (1984 г.) мы встречаем следующие строки: «Ты говоришь, что я неплохо пою // И, в общем, это то, что надо. // Но это очень легко. // Я в этих песнях не лгу. // Видимо, не могу. // Мои законы просты...» (с. 52). Здесь лирический субъект фиксирует оценку своего творчества другим лицом, при этом не пытается спорить с собеседником или хвалить себя. Он указывает на то, что его не превозносят другие люди, ведь реципиент говорит, что он поет не хорошо и не отлично, а просто неплохо. Для я-героя главное достоинство собственных песен – это не их высокая художественность, а правдивость, которая дается ему без труда. С одной стороны, это утверждение коррелирует с известным булгаковским «Правду говорить легко и приятно»³. С другой стороны, подобные стремления к жизни безо лжи и умалчивания фактов несправедливости проявлялись у многих советских рок-поэтов 1980-х гг. Достаточно вспомнить «Спокойную ночь» Виктора Цоя: «Я ждал это время, и вот это время пришло. // Те, кто молчал, перестали молчать»⁴. Для Башлачёва

³ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: Роман. Рассказы. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 33.

⁴ Цой В.Р. Группа крови. М.: Эксмо, 2008. С. 261.

важна естественность и простота, отказ от всего, что способно мешать творцу, и такой помехой может выступать ложь.

Если во «Влажном блеске наших глаз» просто нет идеализации собственного творчества, то в песне «Спроси, звезда» (март 1985 г.) лирический субъект, на первый взгляд, вообще обесценивает то, что им создается. В начале произведения он так характеризует ситуацию: «Ой-й-й, спроси меня, ясная звезда, // Не скучно ли долбить толоконные лбы? // Я мету сор новых песен из старой избы» (с. 92). Почему же происходит так, что лирический субъект приравнивает песни к мусору? Начнем с того, что автор прибегает к дефразеологизации, разбивая устойчивое выражение «выметать сор из избы». Данный фразеологизм имеет значение *делая достижениям общественности семейные ссоры, разногласия или проблемы*. Возможно, Башлачёв определяет песни как нечто камерное, личное, что герой-я отдает на суд обществу. При этом именно общество может счесть их сором. В таком случае, здесь происходит фиксация точки зрения человека извне, нежели самого лирического субъекта: «толоконные лбы» не способны принимать чужую точку зрения или меняться.

Важно также, что изба названа старой. Можно предположить, что лирический субъект, создавая новые песни, понимает, что сам не соответствует новому времени, поэтому спешит избавиться от этих песен, передав их обществу. В песне прослеживается пессимистический мотив размышлений о смысле собственного существования: «Ой-й-й, спроси, звезда, да скоро ли сам усну, // Отлив себе шлем из синего льда? ...Звезда! Зачем мы вошли сюда?... // Мы сгорим на экранах из синего льда... // Мы украсим их шлемы из синего льда... // И мы станем их скипетром из синего льда...» (с. 93). Фактически жизнь лирического субъекта и подобных ему оказывается положенной на алтарь неких «их», а сочувствия можно ждать лишь от звезды. По мнению А. Пашкова, в этой песне «образ “ясной звезды” как чего-то светлого, чистого, яркого, как воплощение высокого романтического идеала противостоит земному холодному и безжизненному миру “синего льда”» [Пашков 2010, с. 131].

На первый взгляд герой оказывается слаб и не способен победить силу судьбы, которая определяет ему лишь роль жертвы. Иначе, это может быть жертва во имя некой идеальной будущей жизни, в которой лирическому субъекту и его песням уже не будет места. Не случайно в третьей строфе встречается выражение, оформленное по модели афоризма: «Каждому времени – свои ордена» (с. 93). Люди или явления, которые необходимы сейчас, станут бесполезными в завтрашнем дне.

Похожие размышления у Башлачёва встречаются и в песне «Как ветра осенние...», созданной в декабре того же 1985 г. Здесь вновь появляется образ песен, причем автор ставит его в сильную позицию, замыкая им последнюю строфу: «Как ветра осенние уносят мое семя. // Листья воскресения да с восточки – весны. // Я хочу дожить, хочу увидеть время, // Когда эти песни станут не нужны» (с. 109). С.С. Шаулов усматривает в этих стихах аллюзию к стихотворению О.Э. Мандельштама «Феодосия»: «На все лады, оплаканное всеми, // С утра до ночи “яблочко” поется. // Уносит ветер золотое семя, // – Оно пропало – больше не вернется» [Шаулов 2011, с. 75]. Шаулов пишет, что «цитата в этом отрывке играет особую роль. Это не маркер полемики с предшественником, а попытка опереться на остатки разрушенной традиции. Размывание ее исконного смысла в Башлачёвской «темной» метафорике – проявление зыбкости такой опоры.» [Шаулов 2011, с. 77]. И сам текст Башлачёва, и его сопоставление с текстом Мандельштама указывает на подвижность и изменяемость мира. Каждый в какой-то момент должен сыграть свою роль, а потом уступить место другим: «Ведь тебя посеяли, чтоб ты пригодился. // Ведь совсем неважно, от чего ты помрешь, // Ведь куда важнее, для чего родился» (с. 109).

Эти же слова могут быть сказаны не только о людях, но и о песнях. По мнению Башлачёва, каждой из них свое время, после которого она становится ненужной. Интересно, что в какой-то момент лирический субъект заявляет, что хотел бы пережить «эти песни», а не умереть вместе со своими творениями. Печальна участь творца, который «исписался» раньше собственной смерти. Казалось бы, в идеале автор и творчество должны угаснуть одновременно, однако Башлачёв смотрит на ситуацию иначе. В словах «Я хочу дожить, хочу увидеть время, // Когда эти песни станут не нужны» можно усмотреть стремление рок-поэта к поиску нового стиля или желание перейти на новый виток творческого развития. Известно, что с августа 1986 по июль 1987 г. Башлачёв ничего не писал. По воспоминаниям гражданской жены Башлачёва А. Рахлиной, «...летом 1987 года на даче в Череповце за месяц им было сделано очень много. Тетрадка эта куда-то делась, мы ее не нашли, но те новые формы, про которые он говорил, там были нащупаны, найдены. Было какое-то движение в направлении прорыва. Почему он этим не воспользовался, я не знаю...» (с. 277).

Лирический субъект песни «Как ветра осенние...» не оптимистичен, глядя в собственное будущее, он не выражает однозначной уверенности в том, что сможет создать принципиально новые песни. В середине произведения он высказывает почти парадоксальную

мысль: «...да я сумел бы выжить, // Если бы не было такой простой работы – жить» (с. 109). Действительно, жить в полную силу, настоящей «живой жизнью» гораздо труднее, чем просто выживать. Лирический субъект хотел жить, но не знал, как это сделать. Постепенно он приходит к выводу, что именно то, что мешает жизни быть полноценной, настоящей, обязательно погубит его. Однако сохраняется надежда на то, что произойдет это нескоро, а лишь после того, как отпадет необходимость в печальных песнях, которые он пишет сейчас. При этом Башлачёв абсолютно точно уверен, что в то время, когда его песни создаются, они, безусловно, нужны людям.

Если в песнях 1984–1985 гг. проблема собственных песен не выходила у Башлачёва на первый план, то в 1986 г., на одном из последних этапов творчества, он создает «Случай в Сибири» и «Песенку на лесенке», в которых формируется наиболее завершенная концепция отношения лирического субъекта, а через него и автора, к собственным песням и шире – к творчеству.

Песня «Случай в Сибири», написанная в январе 1986 г., является наиболее повествовательной и сюжетной из всех, посвященных Башлачёвым рефлексии собственных песен. В ней описывается диалог, состоявшийся у лирического субъекта, с человеком, предельно чуждым ему по своему отношению к родной стране и людям, в ней живущим. В первых стихах проявляется все та же характерная черта, которую нам удалось увидеть ранее во «Влажном блеске наших глаз» и «Спроси, звезда» – принижение пафоса собственного творчества: лирический субъект говорит, что не пишет произведения, а только пачкает бумагу. Однако стоит принять во внимание, что он тут же добавляет: «Я слышу звон. На том стою. А там глядишь – и лягу» (с. 128). Хотя я-персонаж и не считает свое творчество идеальным, он не готов отказываться от него ни при каких обстоятельствах. Вероятно, такое отношение можно объяснить через дихотомию формы и содержания, о которой шла речь в песне «Влажный блеск наших глаз»: если петь правдиво, не обязательно нужны идеальные слова или мелодия.

Собеседником творческой личности в «Случае в Сибири» оказывается провинциальный обыватель, ставящий себя выше окружающих. При этом его представления не соответствуют действительности, если посмотреть на ситуацию глазами лирического субъекта Башлачёва. Сравним их жизненные позиции: «Я был в Сибири. Был в гостях. В одной веселой куче. // Какие люди там живут! Как хорошо мне с ними! // А он... Не помню, как зовут. Я был не с ним. С другими. // ...Потом на языке одном о разном говорили... // Он говорил, трещал по шву – мол, скучно

жить в Сибири... // Вот в Ленинград или в Москву... Он показал бы большинству // И в том и в этом мире. – А здесь чего? Здесь только пьют. // Мечи для них бисеры. Здесь даже бабы не дают. // Сплошной духовный неуют... // Ты зря приехал, не поймут. Не то, что там, на Невском... // Ну как тут станешь знаменит, – мечтал он сквозь отрыжку» (с. 128–129). Затем этот явно неприятный для лирического субъекта персонаж пел «за Гребенщикова». Реакция я-персонажа оказалась вполне предсказуема: «Мне было жаль себя, Сибирь, гитару и Бориса» (с. 129). Ю.В. Доманский пишет: «“Борис” ...не фактор, подчеркивающий идентичность субъекта, но повод для экспликации этой идентичности, для слияния героя Башлачёва (самого Башлачёва) с Гребенщиковым “истинным” и отмежевания от сибиряка-антагониста, который слушает ту же музыку, но ничего в ней не понимает» [Доманский 2010, с. 212]. Собеседник не смог по-настоящему овладеть смыслами чужой песни, правильно ее истолковать, усвоить. Из-за этого смысл оказался чудовищно искажен.

Более серьезная и, можно так сказать, страшная проблема, связанная с истолкованием, возникает у лирического субъекта позднее. Он сам исполняет уже собственную песню и хотя предполагает неправильную интерпретацию со стороны реципиента, все же надеется подвязать песне «оборванные крылья». Усилия оказываются тщетными: «Хвалил он: – Ловко врезал ты по ихней красной дате. // И начал вкручивать болты про то, что я – предатель. // Я сел, блее, чем снега. Я сразу онемел как мел. // Мне было стыдно, что я пел. За то, что он так понял. // Что смог дорисовать рога, // Что смог дорисовать рога он на моей иконе» (с. 129). Лирический субъект любит Родину, он не желает ее предавать или очернять. Родная страна нужна ему такой, какая есть: «Да разве можно не любить? // Вот эту бабу не любить, когда она – такая! ...Я первый раз сказал о том, мне было нелегко. // Но я ловил открытым ртом родное молоко» (с. 130).

Таким образом, поющий поэт, по Башлачёву, наделяется огромной долей ответственности, не только за слова и музыку, но и за то, как воспримут его песню слушатели. Неважно при этом, насколько эти слушатели изначально духовно близки автору. Песня в идеале должна наделяться силой, преображающей мир. Если же этого не произошло, творец вправе испытывать стыд. Лирический субъект после исполнения песни уже открыто спорит с собеседником о родине и о своем к ней отношении, однако реакция оппонента на эти слова в песне не приводится. Скорее всего, она и не слишком нужна, ведь лирический субъект не чувствует себя победителем в споре и отказывается стереть плевков со своей души. Он предъ-

являет повышенные требования к содержанию своих песен и к их возможной интерпретации, а соответственно, и к самому себе.

«Песенка на лесенке», написанная весной 1986 г., продолжает размышления Башлачёва об ответственности автора за свои творения. Произведение демонстрирует достаточно яркий пример саморефлексии Башлачёвым не только собственных песен, но и творческого процесса как такового. Для этих целей автор выбирает весьма интересную форму диалогов уже не с одним, а с различными персонажами, рядом с которыми лирический субъект бежит по лесенке.

В первую очередь нужно отметить, что действия я-персонажа, Саши здесь неоднократно представлены как излишне быстрые. Он даже обгоняет самого себя: «Впереди себя бежал // по лесенке» (с. 138). Далее один из спутников-собеседников, Митенька, так укоряет лирического субъекта: «А теперь с тобою куда дойдешь? – // Жмешь себе вперед, никого не ждешь» (с. 139). Возможно, что такая поспешность объясняется желанием перейти на новый виток творчества, как мы это уже видели в песне «Как ветра осенние», но также вероятно, что здесь в завуалированном варианте проявляется частотный для Башлачёва мотив ранней смерти: герой спешит успеть как можно больше за краткое, отмеренное ему время.

Кроме того, с позиции находящихся рядом людей лирический субъект предстает эгоистом и человеком, общество которого может мешать. Другой диалог у я-персонажа происходит с Сереженькой, который заявляет: «Я бегу с тобой по лесенке, // Даже, может, фору в ногу даю! // Только, может быть, твоя песенка // Помешает мне услышать свою» (с. 138). Примечательно, что Саша не пытается вступать в спор со своими товарищами, а просто фиксирует их точки зрения. Здесь попутчики, не согласные с лирическим субъектом, не наделяются столь отвратительными чертами, как это было в «Случае в Сибири». Главное отличие заключается в том, что точка зрения оппонента не воспринимается как неправильная. Диалоговая форма в данной песне показывает сомнения автора в уместности своего творчества, в его нужности для окружающих людей. Заметим, что с точки зрения слушателя-читателя, Сереженька – личность, в чем-то подобная Сальери: он завидует лирическому субъекту, обвиняет его в своих неудачах и прилагает усилия, чтобы замедлить его движение.

Нужно обратить внимание и на саму природу песен в этом тексте. Песни здесь поются героями, но не создаются ими, а ловятся. Через пение происходит их усвоение или освоение: «Так бежали мы, бежали // вверх по лесенке // И ловили мы // песни-песенки (с. 138–139). Подобное отношение, но уже не к песням, а к словам,

мы можем встретить и в песне «Тесто», написанной в январе того же года: «Тут дело не ново – словить это Слово, // Ты снова, и снова, и снова – лови» (с. 134). Эта позиция сродни представлениям Ф. Ницше о всемирном первохудожнике, лишь сливаясь с которым человек-творец «узнает что-то о непреходящей сущности искусства... теперь он одновременно и субъект, и объект, одновременно и автор, и актер, и зритель»⁵.

Процесс восприятия продиктованных свыше слов или песен не дается человеку легко, что показано Башлачёвым в обеих песнях. В «Тесте» для всех «ловцов» слов звучит напутствие, в котором говорится о необходимости самопожертвования: «Так значит жить и ловить это Слово упрямо, // Душой не кривить перед каждой ямой, // И гнать себя дальше – все прямо да прямо, // Да прямо – в великую печь!» (с. 136). В «Песенке на лесенке» Сереженька, обращаясь к лирическому субъекту, замечает: «Да помнится ты, Саша, ох, как сам скрипел, // Прежде, чем запел, прежде, чем запел» (с. 138). По мнению К.Ю. Пауэр, «в финале песни раскрывается цель этого пути-подъема, это путь поиска новых песен, вдохновения – творческий путь» [Пауэр 2019, с. 169]. Разумеется, творческий путь никогда и ни для кого не бывает простым.

Башлачёв овеществляет и отчасти визуализирует песенки, когда пишет о том, что все герои несут их на плечах. Это тяжелая или, по крайней мере, неудобная ноша, к которой нужен особый подход. Трудным оказывается и сам процесс «ловли»: «Да как по лезвию // лезем лесенкой // За неспетою // песней-песенкой» (с. 140). Здесь очень ярко просматривается аллюзия на строки из песни «О фатальных датах и цифрах» В. Высоцкого: «Поэты ходят пятками по лезвию ножа // И режут в кровь свои босые души»⁶. По замечанию А.И. Бойкова, «Башлачёв обращается к опыту Высоцкого... при осмыслении серьезных философских тем, такой, например, как трагическая судьба поэта. Показательна связь песен “О фатальных датах и цифрах” Высоцкого и “На жизнь поэтов” Башлачёва» [Бойков 2011, с. 240]. Таким образом, можно утверждать, что диалог с Высоцким разворачивается здесь в рамках не одного, а нескольких произведений.

Стоит принять во внимание манеру исполнения автором «Песенки на лесенке» во время концертов. Она достаточно близка

⁵ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза: пер. с нем. СПб.: Художественная литература, 1993. С. 155.

⁶ Высоцкий В. О фатальных датах и цифрах // Ловите ветер всеми парусами!: [стихотворения]. СПб.: Амфора, 2012. С. 64.

к тому, как В. Высоцкий пел свои известные песни «Он не вернулся из боя», «Скажи еще спасибо, что живой...», «Песня о друге». Произведение было создано вскоре после триптиха «Слыша В.С. Высоцкого», поэтому можно предполагать, что Башлачёв продолжал размышлять о вопросах творчества в векторе, заданном своим замечательным предшественником.

Указание на трудность процесса «ловли» песенок контрастно как самому названию произведения, так и настроению первых строк. «Песенка на лесенке» благодаря уменьшительно-ласкательным суффиксам сначала воспринимается как нечто детское. Это ощущение поддерживают два первых стиха, напоминающие сказочный зачин: «Хочешь, я спою тебе песенку // Как мы вчетвером шли на лесенку?» (с. 138). Интересно, что в творчестве Высоцкого есть целый ряд песен-сказок, в которых наличествует ролевой персонаж со своей самобытной речью. У Башлачёва же в «Песенке на лесенке» прямая отсылка к сказочным сюжетам или персонажам отсутствует. Можно предположить, что в некоторой степени детская или несерьезная интонация начала песни указывает на несерьезность труда творческой личности с точки зрения обывателя, для которого работа поэта может казаться своего рода игрой. С другой стороны, возможно, что лирический субъект не желает здесь хвалить или возвеличивать себя, а говорит о своих достижениях так же скромно, как это происходило в произведениях, рассмотренных выше.

Нужно упомянуть и о том факте, что Башлачёв говорил о трудности творчества не только для человека, работающего со словами. В песне «От винта» 1985 г. встречается такой любопытный образ, как «вирусы новых нот в крови» (с. 94). Процесс создания музыкального произведения сравнивается с болезнью, с которой лирический субъект, однако, не пытается бороться, понимая, что иного пути у него нет: «Я знаю, зачем иду по земле. // Мне будет легко улетать» (с. 194).

Рассмотрев произведения А. Башлачёва, в которых присутствует рефлексия собственных песен, мы можем сделать ряд выводов. Во-первых, Башлачёв не склонен провозглашать свои произведения идеальными. Он считает собственные песни плотью от плоти того времени, в которое они были написаны. Автор не помышляет о том, что они могут стать классикой, и таким образом спорит со ставшей традиционной для русской поэзии темой памятника. При этом Башлачёв акцентирует внимание на принципиальной необходимости песен в тот момент, когда они созданы. Однако важность песен может осознать только тот субъект, который умеет и настроен слышать. Во-вторых, для Башлачёва нередко принципиально

важно наличие оппонента. Лирические субъекты его песен не стремятся победить в споре с такими людьми. Скорее, спор для них – это возможность увидеть недостатки собственного творчества, в частности, то, что его можно неверно истолковать или воспринять как помеху, не дающую высказаться другим поэтам. В-третьих, творчество в целом для Башлачёва – жестокий дар, сравнимый с болезнью и являющийся возможной причиной раннего ухода автора. Однако смерть не страшит лирического субъекта ни в одной из песен: намного важнее сыграть свою роль, выполнить свою миссию в нужное время, чем просто существовать долго, но без какого-либо развития.

Литература

- Анцыферова 2002 – *Анцыферова О.Ю.* Творчество Генри Джеймса: проблема литературной саморефлексии: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. 35 с.
- Бойков 2011 – *Бойков А.И.* Башлачёв и Высоцкий: языковые механизмы цитирования // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 238–242.
- Глембоцкая 1999 – *Глембоцкая Я.О.* Творческая рефлексия в контексте художественной циклизации на материале русской поэзии XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1999. 24 с.
- Доманский 2013 – *Доманский Ю.В.* Рок-поэзия: перспективы изучения // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Екатеринбург; Тверь: Ур-ГПУ, 2013. Вып. 14. С. 7–36.
- Доманский 2010 – *Доманский Ю.В.* Русская рок-поэзия: текст и контекст. М.: Intrada – Изд-во Кулагиной, 2010. 232 с.
- Курий 2008 – *Курий С.* Почему Александра Башлачева считают лучшим поэтом отечественной рок-музыки? // Школа жизни.ру: Познавательный журнал, 2008. URL: <https://www.shkolazhizni.ru/biographies/articles/16857/> (дата обращения: 21.01.2025).
- Пауэр 2019 – *Пауэр К.Ю.* Структура художественного пространства в русской рок-поэзии: Александр Башлачёв, Егор Летов, Янка Дягилева: дис. ... канд. филол. наук. М.: Ин-т международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2019. 280 с.
- Пашков 2010 – *Пашков А.* Поэт без границ: творчество Александра Башлачёва и рок-традиция // Александр Башлачев: исследования творчества. М.: Русская школа, 2010. С. 125–140.
- Сегал 2006 – *Сегал Д.М.* Литература как охранная грамота. М.: Водолей, 2006. 976 с.
- Турьшева 2010 – *Турьшева О.Н.* Проза о читателе как форма саморефлексии литературы // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 70–75.

- Хатямова 2008 – *Хатямова М.А.* Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX в.: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: Томск: Томский государственный ун-т, 2008. 42 с.
- Шаулов 2011 – *Шаулов С.С.* Поэзия А.Н. Башлачёва: в поисках «основного мифа». Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. 80 с.

References

- Antsyferova, O.Yu. (2002), *Tvorchestvo Genri Dzeimsa: problema literaturnoi samorefleksii* [The work of Henry James. Issue of literary self-reflection], Abstract of D. Sc. dissertation (Philology), MGU imeni M.V. Lomonosova, Moscow, Russia.
- Boikov, A.I. (2011), “Bashlachev and Vysotsky. Linguistic mechanisms of citation”, in *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, vol. 1, (Humanities), no. 3, pp. 238–242.
- Domanskii, Yu.V. (2010), *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context], Intrada – Izdatel'stvo Kulaginoi, Moscow, Russia.
- Domanskii, Yu.V. (2013), “Rock poetry. Perspectives of study”, in *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry. Text and context], iss. 14, Ur-GPU, Ekaterinburg, Tver', Russia, pp. 7–36.
- Glembotskaya, Ya.O. (1999), *Tvorcheskaya refleksiya v kontekste khudozhestvennoi tsiklizatsii na materiale russkoi poezii XX veka* [Creative reflection in the context of artistic cyclization based on the material of Russian poetry of the 20th century], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Novosibirsk, Russia.
- Khatyamova, M.A. (2008), *Formy literaturnoi samorefleksii v russkoi proze pervoi treti XX veka* [Forms of literary self-reflection in Russian prose of the first third of the 20th century], Abstract of D. Sc. dissertation (Philology), Tomskii gosudarstvennyi universitet, Tomsk, Russia.
- Kurii, S. (2008), “Why is Alexander Bashlachev considered the best poet of Russian rock music?”, in *Shkola zhizni.ru: Poznavatel'nyi zhurnal*, available at: <https://www.shkolazhizni.ru/biographies/articles/16857/> (Accessed 21 Jan. 2025).
- Pashkov, A. (2010), “Poet without borders: the work of Alexander Bashlachev and the rock tradition”, in *Aleksandr Bashlachev: issledovaniya tvorchestva* [Alexander Bashlachev: Creative studies], Russkaya shkola, Moscow, Russia, pp. 125–140.
- Pauer, K.Yu. (2019), *Struktura khudozhestvennogo prostranstva v russkoi rok-poezii: Aleksandr Bashlachev, Egor Letov, Yanka Dyaghileva* [The structure of artistic space in Russian Rock poetry: Alexander Bashlachev, Egor Letov, Yanka Diaghileva], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), A Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki imeni A.S. Griboedova, Moscow, Russia.
- Segal, D.M. (2006), *Literatura kak okhrannaya gramota* [Literature as a security certificate], Vodolei, Moscow, Russia.
- Shaulov, S.S. (2011), *Poeziya A.N. Bashlacheva: v poiskakh “osnovnogo mifa”* [Poetry of A.N. Bashlachev. In search of the “basic myth”], Izdatel'stvo BGPU, Ufa, Russia.
- Turyшева, O.N. (2010), “Prose about the reader as a form of the literature self-reflection”, *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 70–75.

Информация об авторе

Зинаида Г. Станкович, кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; uky-onna@yandex.ru

Information about the author

Zinaida G. Stankovich, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia; 18, Kremlevskaya St., Kazan, Russia, 420008; uky-onna@yandex.ru